

П. А. Бутаков

*Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия*

pavelbutakov@academ.org

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ ТЕОЛОГИЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ ЖИЗНЬ: МАЙМОНИД, ВИТГЕНШТЕЙН И ПАТНЭМ

Рассмотрены три точки зрения на метод отрицательной теологии: Маймонида, Витгенштейна и Патнэма. Показано, что для всех трех мыслителей легитимация апофатического подхода имеет не теоретические, а практические основания и базируется на религиозной жизни. Выявлены прагматистские черты философии Маймонида и мистические черты философии Патнэма.

Ключевые слова: отрицательная теология, философия языка, Божественные атрибуты, Маймонид, Витгенштейн, Патнэм.

Данная статья построена на обсуждении тех проблем отрицательной теологии, которые затрагиваются в одноименной работе Хилари Патнэма [Putnam, 1997], посвященной анализу учений Маймонида и Витгенштейна. Эта тема интересна не только с точки зрения истории философии, философии религии, философии языка, но и, как заявляет Патнэм, она имеет «огромную важность для религиозной жизни во все времена» [Ibid. P. 407].

В основе отрицательной (негативной или апофатической) теологии лежит метод философского познания, который сформировался еще в Античности. Он заключается в отрицании или мысленном отсечении от сущности исследуемого объекта второстепенных атрибутов, что является, по сути, философским абстрагированием, анализом, переходом от сложного к простому. С первых веков нашей эры этот метод нашел свое применение и в теологических изысканиях, где он поначалу выступал в роли одного из возможных способов рассуждения о Божестве, наряду с утвердительным (катафатическим) методом, а также методом аналогии, методом трансцендирования и т. п. [Адо,

2005. С. 217–218]. Со временем апофатический подход обретает статус наиболее предпочтительного способа богопознания, по крайней мере, в восточной христианской традиции. Это обстоятельство связано с появлением в V в. корпуса сочинений, приписанных Дионисию Ареопагиту, среди которых важное место занимает трактат «О мистическом богословии», ставший своеобразным манифестом христианской апофатической теологии. Автор «Ареопагитик» решительно ставит апофатический метод выше катафатического [Лосский, 2012. С. 35]. В. Н. Лосский подытоживает мысль Ареопагита следующими словами: «Только путем неведения можно познать Того, Кто превыше всех возможных объектов познания. Идя путем отрицаний, мы поднимаемся от низших ступеней бытия до его вершин, постепенно отстраняя все, что может быть познано, чтобы во мраке абсолютного неведения приблизиться к *Неведомому*» [Там же. С. 34]. «Ареопагитики» оказали влияние не только на византийскую, но и на западноевропейскую мысль, в частности, на Фому Аквинского, Николая Кузанского, Хуана де ла Крус, Ангелуса Силезиуса [Адо, 2005.

Бутаков П. А. Отрицательная теология и религиозная жизнь: Маймонид, Витгенштейн и Патнэм // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2014. Т. 12, вып. 4. С. 141–146.

С. 222]. Но, пожалуй, самым ярким средневековым западным представителем отрицательной теологии – *via negativa* – является иудейский мыслитель Моисей Маймонид (1138–1204), изложивший свое апофатическое учение в пространном трактате «Путеводитель растерянных» [Моше бен Маймон, 2010].

Вслед за своими предшественниками Маймонид исходит из представления о том, что Бог настолько превосходит все сотворенные им вещи, что было бы некорректно приписывать Богу то, что может быть приписано творению: «Все те атрибуты, кои ты мнишь совершенствами, по отношению к Нему, да превознесется Он, суть недостатки, поскольку однородны с теми, что наличествуют в нас» (Путеводитель растерянных 1.59) [Там же. С. 312]. Поэтому никакие известные нам свойства, никакие «позитивные атрибуты» к Богу не применимы, коль скоро все они почерпнуты нами из тварного мира. Согласно Маймониду, задача богослова состоит в том, чтобы постепенно очищать представление о Боге от позитивных атрибутов: «Именно таким путем подобает приближаться к постижению Его, занимаясь исследованием и изысканием до тех пор, пока не будет познана невозможность всего того, что невозможно для Него» (Путеводитель растерянных 1.59) [Там же. С. 304]. Но эта задача не сводится лишь к декларации невозможности приписывать Богу позитивные атрибуты, Маймонид говорит об отрицательной теологии как о методе, о пути умозрения и обретения доказательного знания. В отличие от восточного христианского богословия, где метод отрицательной теологии неразрывно связан с мистической практикой и в конечном счете с отказом от интеллектуального богопознания, Маймонид призывает своих читателей следовать пути строгих аподиктических доказательств. Каждое новое отрицательное суждение о Боге, полученное в результате логического рассуждения, приближает мыслителя к подлинному знанию Бога, но если источником отрицательного суждения служат фантазия, чувства или что-либо, не опирающееся на доказательство, то это ведет к идолопоклонству¹. «Всеми силами, – пишет Маймо-

нид, – стремись к тому, чтобы добавлять все новые отрицательные суждения, основанные на доказательстве, чтобы не отрицать только на словах. Ибо всякий раз, когда ты на основании доказательства отрицаешь наличие чего-либо, что мнилось существующим у Него, да превознесется Он, ты, несомненно, приближаешься к Нему на одну ступень» (Путеводитель растерянных 1.60) [Там же. С. 313–314]. Здесь возникает естественный вопрос: а возможны ли вообще какие-либо высказывания о Божестве, коль скоро все слова нашего языка так или иначе применимы к творению? Маймонид допускает, что единственный вид позитивных атрибутов, которые можно приписывать Богу, – это атрибуты действия. В отличие от предикатов сущности, «атрибуты действия» ничего не говорят о самом субъекте, но ими «предмет описывается через его действия... Этот тип предикатов удален от сущности субъекта, к которому они относятся, и потому позволительно приписывать их Богу» (Путеводитель растерянных 1.52) [Там же. С. 257]. Другими словами, не имея возможности высказываться о непознаваемой сущности Бога, мы все же можем говорить о нем, как о причине вполне познаваемых событий: это тот, кто сотворил мир; это тот, кто избавил израильтян от египетского рабства, тот, кто говорил с Моисеем на Синае, и т. п.

Хилари Патнэм в статье «Об отрицательной теологии» отмечает философскую значимость теории Маймонида в том, что и сам метод отрицания, и атрибуты действия – это способы корректно установить референцию («to fix the reference») в высказываниях о Боге [Putnam, 1997. P. 414]. Ведь если признать, что Бог находится за пределами нашего повседневного опыта, то как в таком случае мы вообще можем делать осмысленные высказывания о нем? Как можно «зафиксировать», о чем идет речь, когда мы произносим слово «Бог»? Ведь у нас даже нет никаких надежных средств не только для описания, но даже для концептуализации этого понятия. В данной ситуации, согласно Патнэму, слово «Бог» выполняет

¹ Э. Бенор отмечает: «В антропологии Маймонида выделяются две когнитивные способности, способные выдвигать общие концепции о мире: интеллект, который подстраивается под объективную реальность, и

воображение, которое проецирует на мир ту точку зрения, которая угодна человеческим прихотям. Именно во второй Маймонид усматривает коренную причину идолопоклонства, поскольку проецирующее воображение не заинтересовано в соответствии реальности» [Benor, 1995. P. 352].

роль не понятия, а собственного имени, метод отрицательных суждений помогает отбросить все неверные референции этого имени, а метод «атрибутов действия» свяжет имя «Бог» с конкретными наблюдаемыми событиями. Данное наблюдение еще раз подчеркивает то обстоятельство, что отрицательный метод Маймонида имеет мало общего с восточной христианской традицией: для последователей Ареопагита апофатика – это основа внерациональной мистической практики соединения с Божеством, в то время как для Маймонида – это рациональная процедура уточнения смысла религиозного языка.

Какова же цель негативной теологии? Можно предположить, что для Маймонида как для философствующего теолога решение задачи уточнения религиозных высказываний само по себе представляет первичную ценность. Но некоторые исследователи склоняются к тому, чтобы приписать Маймониду прагматистскую мотивацию [Ibid. P. 413]. Согласно данной трактовке учения Маймонида, наши высказывания о Боге могут быть лучше или хуже вовсе не потому, что они в большей или меньшей степени соответствуют реальности, но потому, что они приносят нам самим большую или меньшую пользу. Хорошие религиозные высказывания производят в нас правильное религиозное поведение, т. е. благоговение и смирение, и удерживают нас от стяжательства и идолопоклонства. Таким образом, согласно данной трактовке, именно религиозная жизнь делает религиозные высказывания осмысленными, а отрицательную теологию – содержательной.

Учение Маймонида было встречено резкой критикой со стороны его современников, причем как реалистов, так и номиналистов. Основной аргумент реалистов был выдвинут Фомой Аквинским, который утверждал, что мы без опаски можем приписывать Богу те же позитивные атрибуты, которые приписываются материальным объектам, коль скоро они приписываются Богу и творению не унивокально («соименно») и не эквивокально («одноименно»), но по аналогии (*Сумма теологии* 1.13.5) [Фома Аквинский, 2002. С. 152]. Но, как отмечает Патнэм [Putnam, 1997. P. 417]², то, как Фо-

ма описывает атрибуцию по аналогии, по сути, мало чем отличается от того, что Маймонид имеет в виду под «атрибутами действия», ведь аналогия Аквината основана на том, что Бог является действующей причиной возникновения аналогичных ему явлений в материальном мире. Таким образом, введение Фомой альтернативного названия не может расцениваться в качестве успешного возражения. Что касается номиналистских аргументов, то здесь Патнэм ссылается на Гертсона, согласно которому отрицательная теология – это проблема реалистов, от которой нужно избавиться вместе со всем реализмом (P. 418). Ведь путаница с атрибутами возникает только в том случае, если рассматривать сами атрибуты как некую реальность, присущую Богу, вследствие чего сразу же возникает проблема единства Божества, которую и пытается решить Маймонид (P. 417). В номинализме же нет никакой реификации атрибутов, следовательно, эти вопросы нужно задавать в рамках философии языка или, в случае концептуализма, философии сознания.

Итак, вопрос об осмысленности религиозных высказываний представляет собой интересную проблему для аналитической философии и, в частности, философии языка. В вышеупомянутой статье «Об отрицательной теологии» Патнэм обращает внимание на еще один своего рода «отрицательный» подход к религиозным высказываниям: подход Людвига Витгенштейна, изложенный в «Лекциях о религиозной вере», а затем сопоставляет его с методом Маймонида. Согласно Витгенштейну, религиозный язык настолько несоизмерим с «научным», что их просто не следует анализировать одними и теми же средствами. За пределами религиозного сообщества религиозные высказывания могут казаться непонятными и даже бессмысленными или ложными. Поэтому ни философия языка, ни аналитическая философия не способны оценить осмысленность этих религиозных высказываний. По Витгенштейну, наше понимание зависит от того, насколько успешно мы способны пользоваться этим языком в жизни. Вдобавок, высказывания и слова обретают значение лишь в контексте того сообщества и тех практик («языковых игр»), в рамках которых они используются. Само по себе ни одно высказывание не может иметь конкретного смысла.

² Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страницы.

В некотором смысле подход Витгенштейна к религиозным высказываниям может быть охарактеризован как один из видов отрицательной теологии. В нем также провозглашается принципиальная непознаваемость того, о чем идет речь, и мерилом осмысленности и содержательности является успешность употребления этих высказываний в религиозной жизни. Тем не менее, согласно Патнэму, задача Витгенштейна состоит вовсе не в том, чтобы защитить религиозный язык и веру от внешних нападков, отстоять их содержательность (Р. 410), поэтому его теория не имеет прямого отношения к вопросу об осмысленности религиозных высказываний. Ведь они не являются ни эмпирическими утверждениями о религиозной жизни, ни конвенциональными или грамматическими «истинами» об этой форме жизни. Объектом религиозных высказываний является не сама религиозная жизнь, а Бог, т. е. объект религиозной веры (Р. 410). Поэтому подход Витгенштейна хоть и «отрицательный», но, строго говоря, не «теологический», и того обстоятельства, что и у него, и у Маймонида осмысленность религиозных высказываний определяется религиозной жизнью, еще не достаточно, чтобы считать их единомышленниками.

Что касается позиции самого Патнэма, то она во многом созвучна и Маймониду, и Витгенштейну. Он тоже утверждает, что оценка религиозных высказываний должна производиться не по критерию истинности, а по их «когнитивной осмысленности» (Р. 410). Оценками истинности занимаются наука и аналитическая философия, но Патнэм вслед за Витгенштейном выводит религию из-под прицела научной и философской критики. Что же он понимает под критерием «осмысленности»? Эта осмысленность, по мнению Патнэма, должна быть связана с «объективностью», а «объективность» как-то соответствовать реальности. Но вот под «реальностью» он имеет в виду не ту реальность, с которой имеет дело наука либо, скажем, математика или этика. Патнэм говорит о той реальности, которую религиозный человек способен *чувствовать*, причем чувствовать настолько отчетливо, что для него остальная «реальность» уступает этой религиозной «реальности» в степени ее реальности (Р. 410). Таким образом, основанием для осмысленности религиозных высказываний являются религиозные чувства.

Именно чувства, а не наука или философия, становятся для Патнэма главным критерием объективности. Неудивительно, что стремление Маймонида избежать «идолопоклонства» Патнэм истолковывает весьма прихотливо: он отождествляет идолопоклонство с фундаментализмом (Р. 418). Другими словами, идолопоклонством будет апелляция не к религиозным чувствам, а к какой-либо объективной реальности, будь то текст Священного Писания или религиозные каноны, опору на которые Патнэм, по-видимому, и подразумевает под «фундаментализмом». Следовательно, отрицательная теология нужна ему для того, чтобы очистить религиозную жизнь от нормативности «позитивных атрибутов». Патнэм подчеркивает, что в любой форме религиозной жизни присутствует утверждение о том, что Бог или высшая реальность не может быть адекватно концептуализирована нами, и всякий религиозный человек чувствует, что смысл произносимых им фраз просто не может совпадать с тем смыслом, который следовало бы передать (Р. 410). Отрицательная теология важна Патнэму не ради ее вклада в теорию предикации, но в силу того, что, по его мнению, каждый верующий испытывает в своей жизни моменты растерянности перед непознаваемостью Божества, и только причастность к религиозной жизни может придать смысл религиозным фразам (Р. 418).

Здесь Патнэм расходится и с Маймонидом, и с Витгенштейном. Витгенштейн, по его мнению, несмотря на легитимацию религиозного языка через приобщение к религиозной жизни, не дает человеку возможности приобщиться «к Тому, кто превосходит все наши “формы жизни”... Ведь человек соприкасается с тем, что существует некая тайна, религиозная тайна, а не философская проблема, нуждающаяся в “теории предикации”» (Р. 419). Патнэм убежден, что никакие заумные доводы «нео-аристотелевских и неоплатонических теологов» (Р. 418), ни рассуждения «Путеводителя растерянных» Маймонида не смогут помочь верующему человеку, растерянному перед непостижимостью Бога. Маймонида же он считает приверженцем тысячелетней традиции философии как той формы религиозной жизни, где надежда на спасение связана с философским пониманием непостижимого. Патнэм завершает свою статью восклицанием: «При

всем уважении, любезный Маймонид, к Богу мы приобщаемся не теоретизированиями интеллекта» (Р. 419).

В этих рассуждениях Патнэм выступает не как аналитический философ и не как сторонник философии прагматизма, а как приверженец религиозного мистицизма и противник рациональной теологии. Он утверждает: «То, что язык религии соединяет нас с Богом, это то, что человек может почувствовать всем своим существом, а вовсе не то, что он способен объяснить» (Р. 419). В споре Патнэма с Маймонидом именно Маймонид предстает как философ-прагматист, который отказывается пускаться в метафизические рассуждения о «позитивных атрибутах» непостижимого Божества и предлагает использовать правильный религиозный язык, построенный на «атрибутах действия». Без этой практической цели позиция Маймонида была бы неотличима от агностицизма, но у его философии есть конкретная прагматистская задача – создание той языковой среды, которая была бы полезной для жизни и которая формировала бы в людях положительные качества: уважение и смирение. Патнэм не считает этот подход достойным столь великого религиозного мыслителя. Он исповедует перед читателем свою надежду на то, что глубоко в своем сердце Маймонид должен был испытывать искреннюю убежденность в том, что Бог является основанием всего мира и что Маймонид не мог считать эту веру про-

сто полезной для него идеей (Р. 414). К сожалению, эту надежду на Маймонида, как и надежду на Бога, Патнэм не обосновывает ничем, кроме собственных ощущений.

Список литературы

Адо П. Негативная теология // Духовные упражнения и античная философия / Пер. с фр. при участии В. А. Воробьева. М.; СПб: Степной ветер; ИД «Коло», 2005. С. 213–226.

Лосский В. Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. Догматическое богословие / Пер. с фр. мон. Магдалины (В. А. Рещиковой). 2-е изд., испр. и перераб. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2012. 586 с.

Моше бен Маймон (Маймонид). Путеводитель растерянных / Пер. и коммент. М. А. Шнейдера. М.; Иерусалим: Гешарим; Мосты культуры, 2010. 566 с.

Фома Аквинский. Сумма Теологии. Ч. I. Вопросы 1–43 / Пер. с лат. С. И. Еремеева, А. А. Юдина. М.; Киев: Эльга; Ника-Центр; Элькор-МК, 2002. 560 с.

Benor E. Meaning and Reference in Maimonides' Negative Theology // Harvard Theological Review. 1995. Vol. 88. No. 3. P. 339–360.

Putnam H. On Negative Theology // Faith and Philosophy. 1997. Vol. 14. No. 4. P. 407–422.

Материал поступил в редколлегию 13.02.2014

P. A. Butakov

*Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
8 Nikolaev Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

pavelbutakov@academ.org

NEGATIVE THEOLOGY AND RELIGIOUS LIFE: MAIMONIDES, WITTGENSTEIN AND PUTNAM

The paper discusses the three approaches to negative theology: of Maimonides, of Wittgenstein, and of Putnam. It demonstrates how for all the three philosophers negative theology is validated not on the theoretical but on practical grounds, and is justified by the religious life. It reveals the pragmatist features of Maimonides' philosophy, and mystical tendencies of Putnam's philosophy.

Keywords: negative theology, philosophy of language, divine attributes, Maimonides, Wittgenstein, Putnam.

References

Benor E. Meaning and Reference in Maimonides' Negative Theology. *Harvard Theological Review*, 1995, vol. 88, no. 3, p. 339–360.

Hadot P. Negativnaya teologiya [Negative Theology]. *Dukhovnye uprazhneniya i antichnaya filosofiya* [Spiritual Exercises and Ancient Philosophy]. St.-Petersburg, 2005. (in Russ.)

Losskii V. N. *Ocherk misticheskogo bogosloviya Vostochnoi Tserkvi. Dogmaticheskoe bogoslovie* [The Mystical Theology of the Eastern Church]. The Holy Trinity-St. Sergius Lavra, 2012. (in Russ.)

Moses ben Maimon (Maimonides). *Putevoditel' rasteryannykh* [The Guide of the Perplexed]. Moscow, Jerusalem, 2010. (in Russ.)

Putnam H. On Negative Theology. *Faith and Philosophy*, 1997, vol. 14, no. 4, p. 407–422.

Thomas Aquinas. *Summa teologii. Chast' I. Voprosy 1–43* [Summa Theologica. Part I. Questions 1–43]. Moscow, Kiev, 2002. (in Russ.)